

УДК 008

Русский север в творчестве С.Г. Писахова и Б.В. Шергина: сравнительный анализ

Чекрыжова Александра Игоревна

Аспирант,
кафедра теории и истории культуры и искусства,
Государственный академический университет гуманитарных наук,
119049, Российская Федерация, Москва, Мароновский переулок, 26
e-mail: sanya_che@mail.ru

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема №FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

Аннотация

Имена художника, сказочника, путешественника и краеведа С.Г. Писахова (1879–1960) и сказителя, писателя, художника Б.В. Шергина (1893–1973) занимают особое место в истории культуры Архангельского Севера. Широкую известность им обоим принесла литературная деятельность, в которую они вошли как бытописатели традиционного (дореволюционного) уклада их родного края, восприемники традиций его народной словесности. Притом, что творчество обоих авторов безусловно исходит из единого «корня» – природной и культурно-языковой среды Севера, есть и существенные различия между ними. Выявить, конкретизировать то, что объединяет и различает С.Г. Писахова и Б.В. Шергина и составило основную цель данной работы, основным методом которой стал сравнительный анализ их жизненных путей, мировосприятия, методов литературно-художественной рефлексии реальности, а также отношения к основным историческим поворотам своего времени, через которые они – каждый по-своему – проходили вместе со своей родиной. Результатом работы стал вывод о том, что и Писахов, и Шергин осмыслили пространство Беломорского и Арктического Севера в качестве эпического фона героической инициации творческих сил человека, что по-разному отобразилось в основных мотивах их как литературного, так и изобразительно-художественного творчества. Корень же различий между ними лежит в области мировосприятия и образа действия: Писахова – активного участника научной, социально-политической и художественной жизни Севера – можно образно назвать человеком *культуры, истории, действия, времени*; Шергина же, сосредоточившегося на выявлении и рефлексии нравственных идеалов традиционного поморского жизнеустройства, фундаментом чего было личное исповедание Православной веры и соответствующая ему напряженная внутренняя работа ума и сердца, можно назвать человеком *Духа, созерцателем*, устремленным в область *вневременного*.

Для цитирования в научных исследованиях

Чекрыжова А.И. Русский север в творчестве С.Г. Писахова и Б.В. Шергина: сравнительный анализ // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 11А. С. 28-36.

Ключевые слова

Русский Север, Поморье, Архангельск, Арктика, народная словесность, фольклор, традиционное мышление, традиционная культура, русская культура, художественная рефлексия, православная вера, православный писатель, православная этика, северный текст русской литературы, пейзажная живопись, русская живопись, русский импрессионизм, Север и Арктика в русской живописи, художники Арктики, морская культура Поморья.

Введение

«Глубокое, ценное слово о родимой стороне может сказать только тот человек, для которого его родина не есть “край”, а центр¹» – размышлял русский сказитель, художник, фольклорист и писатель и Борис Шергин. Речь здесь идет о том, когда универсум исторической родины, представляющий собой единство ее природной и культурно-языковой среды, является для человека основным источником проявляемых так или иначе творческих сил, формирует его мироощущение. Для Б.В. Шергина (1893–1973), как и для его старшего коллеги и соратника – художника, путешественника, писателя, сказочника, краеведа С.Г. Писахова (1879–1960) – творческий путь и главный исследовательский интерес определяла родная для них обоих стихия Севера: Архангельского Поморья и Арктики. В городской среде Архангельска конца XIX – начала XX вв., выходцами из которой являлись оба автора, традиции северновеликорусской народной культуры уже не бытовали, что называется, «в концентрированном виде», однако, исследование повседневной обстановки их лет детства и юности показывает, что она все еще была пронизана различными ее элементами: в частности, она украшалась Русским словом, нередко облакаемым в поэтическую форму пословицы, поговорки, сказки, легенды, сказа, былины и пр.)

Основная часть

Архангельск конца XIX – нач. XX вв. – культурный и административного центр Русского Севера, самобытный уклад жизни которого представлял собой переплетение явлений:

- Северновеликорусской традиционной культуры (в городском провинциальном и народном крестьянском ее изводах), к явлениям которой относятся многообразие жанров и направлений и декоративно-прикладного искусства, и народной словесности;
- Городской культуры столицы – Санкт-Петербурга, «старшим братом» которого (т.е. первым «окном в Европу», первым морским портом России) по праву называют Архангельск;
- Культур стран Северо-Западной и Центральной Европы: главным «посредником» здесь

¹ Шергин Б.В. Праведное солнце: Дневники разных лет. – СПб: Библиополис, 2009. – С. 589.

были многочисленные торговые и дипломатические контакты, устанавливаемые по мере освоения русскими северных морских рубежей Российского государства;

- Морского и промыслового быта поморов и других представителей «морского сословия»; Беломорье и его столица – Архангельск – на протяжении веков оставались одним из важнейших центров отечественной морской культуры;
- Церковного (отчасти старообрядческого) обихода: несмотря на усиливавшиеся тенденции вестернизации, секуляризации культуры, проникновения веяний атеистического и материалистического мировоззрения, повседневная жизнь в России все еще сохраняла в целом патриархальный уклад, подчиненный ритмам богослужебного годового круга; вера и религия освящали, соединяли и наполняли собой различные стороны повседневности, пока еще не занимая в ней подобного современному изолированного, ущербного положения.

В то же время, становление обоих авторов происходило на фоне интенсивных художественных поисков, политических и социокультурных перемен рубежа 19-20 вв. и части советского периода. Годы жизни Писахова (1879-1960) и Шергина (1893-1973) пришлись на период, озаглавленный, с одной стороны, очередной волной активного хозяйственного, индустриального, научного и художественного освоения Русского Севера и Арктики царской, а затем – советской Россией, с другой – болезненным социокультурным и, в первую очередь, духовным сломом, отечественная кульминация которого связана была с гибелью Российской Империи, установлением советской власти и последующим разворачиванием государственной кампании гонения всего, что основано на традиционном, религиозном мировоззрении и образе жизни.

Имена Писахова и Шергина часто упоминаются в единой связке ввиду того, что оба они стали продолжателями и выразителями поэтики и традиций севернорусской народной словесности на литературном поприще, в среде по отношению к этим традициям и самому их духу внешней, во времена, когда Культура трагическим образом превращалась в культурное наследие. Творчество обоих северян по-разному выражает тот интеллектуальный, эстетический, психический и, в конечном счете, духовный опыт, который переживает человек при столкновении с экстремальными условиями стихии Северной природы – Беломорской и Арктической. Это пространство предстает у обоих творцов в качестве эпического фона становления и инициации творческих сил человека. По сути, и Шергин, и Писахов – каждый по-своему – выразили то, что издревле пронизывало весь быт русских поморов во времена жизненного расцвета их культуры, лежало в основе ее созидания.

Основным методом выражения этой идеи для Писахова стала живопись: пожалуй, наиболее репрезентативными в этом отношении являются Беломорский и Арктический циклы его работ. Опыт самого художника, испытанный впервые на Новой Земле летом 1905 года, описан им в следующих образах: *«Север (Арктика) – строгий, светлый огромнейший кафедрал. <...> Свет полный, без теней. Мир только что создан. Для меня Арктика – утро Земли. <...> Там теряется мысль о благах обычных, так загораживающих наше мышление. Если в Арктике быть одному и далеко от жилья – хорошо слушать святую тишину. Незакатное солнце наполняет светом радости»*². Этот опыт во многом формирует настроение и атмосферу

² Писахов С.Г. Сказки, очерки, письма / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И.Б. Пономарева. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1985. – С. 201.

живописных работ Писахова. В знаменитом Беломорском цикле Писахов раскрывает себя как мастер философского пейзажа: в образе сосны – дерева, предстоящего бескрайнему, будто бы вневременному пространству неба и воды – читается настроение созерцания, сосредоточения, внутренней тишины, мужества, собранности; читается идея русского человека, некогда освоившего Студеное северное море, нехлебородимую каменистую почву, укоренившегося в ней и создавшего вселенную высокой народной культуры.

Аналогичный посыл содержится, можно сказать, в расшифрованном виде в тех сказах Б.В. Шергина, сюжеты которых носят героический характер, изображая жизнь и труды поморов – промышленников, мореходов, кораблестроителей и ремесленников – на службе Студеному морю («Рождение корабля», «Для увеселения», «Новая Земля» и др. произведения). Центральной темой данного корпуса художественных текстов является творческая, созидательная самоотдача человека в противостоянии, с одной стороны – суровой морской стихии, с другой – своим собственным порокам и страстям. *«Море – души строитель»*, поскольку каждая встреча с ним предполагает ситуации риска и опасности – и соответственно, принуждает человека к мобилизации и напряжению всех своих физических и душевных сил, чтобы выжить и выстоять.

Идея человеческой жизни – трагического, возвышенного и торжественного «выстаивания вопреки» – читается и в другом сквозном для художественного творчества С.Г. Писахова мотиве. Это мотив камнеломки – растения, находящего путь к жизни посреди, казалось бы, безжизненных каменистых ландшафтов Новой Земли. Забираясь своими тонкими корнями в щели между скал, растение постепенно ломает их. Боль, прорастание, прорыв, воля к жизни – вот семантический круг понятий, читающихся и в «народном» названии растения – *разрыв-трава* – и в том, как изображает его художник. Писахов запечатлевает цветок в кульминационный момент его бытия – в момент *увядания*, когда его листья приобретают ярко-красный оттенок, и потому их множество так напоминает пролитую на камни кровь.

Похожую кульминацию представляет собой история, которую Б.В. Шергин донес в сказе «Для увеселения» – в момент, когда потерпевшие кораблекрушение мезенские поморы Иван и Ондrejaн осознают свою обреченность на страшную, голодную смерть, они «спокойно и великодушно», с героическим смирением принимают эту судьбу и, будучи *истинными художниками по призванию*, следуя побеждающей смерти, вневременному логосу созидания, изготавливают самим себе резное надгробие с эпитафией в торжественных стихах:

*«Корабельные плотники Иван с Ондrejaном
Здесь скончали земные труды
И на долгий отдых повалились,
И ждут архангеловой трубы»³.*

Важно понимать, что при наличии этих объединяющих лейтмотивов, характер принадлежности к миру традиционной культуры своей родины, а также способы рефлексии ключевых перемен и событий своего времени у Писахова и Шергина достаточно сильно различаются.

Так, образ личного творческого поведения С.Г. Писахова (1879 – 1960) определен его

³ Шергин Б.В. Избранное / сост. и авт. вступ. ст. Ю.Ф. Галкин. – М.: Совет. Россия, 1977. – С. 103.

гораздо большей, чем в случае Б.В. Шергина, степенью принадлежности к миру «большой» культуры конца XIX – начала и первой половины XX вв. С.Г. Писахов родился и воспитывался в достаточно светской по меркам конца XIX – начала XX вв. обстановке городской купеческой семьи. Наиболее очевидным каналом связи с миром народной, глубинно-северной русской культуры для него с ранних лет было общение с бабушкой по материнской линии, Хионией Васильевной Милюковой, осевшей в Архангельске уроженкой Пинежского уезда, чье Слово – пословики, песни, сказки, духовного стиха – формировало «закваску», которой питалось богатое воображение будущего сказочника. Развитие С.Г. Писахова как художника и личности было определено двумя составляющими: четкой принадлежностью к универсуму природной и культурно-языковой среды родной почвы Архангельского Севера с одной стороны и жаждой познания мира за пределами этой почвы – с другой. Насмотренность, расширение кругозора не растворяли в нем связи с исторической родиной, но напротив, укрепляли и обогащали ее, поскольку она с самого начала была прочна и осознанна. Еще до революции он получил богатый опыт обращения в передовых художественных кругах родного Архангельска и Санкт-Петербурга, а также непосредственного соприкосновения с наследием мировой художественной культуры различных почв и эпох: и в годы учебы в Центральном училище технического рисования барона Штиглица (1902-1905 гг.) и в период путешествий по странам Ближнего Востока, Южной и Центральной Европы (1905-1913 гг.) Окончательно сформировавшись как исследователь и художник Севера, Писахов посвятил все свое время и силы тому, чтобы представить людям богатейшее разнообразие природного и культурного наследия своего края – этот вектор становится определяющим для всей его разносторонней деятельности художника, краеведа, фольклориста, музейного работника и, наконец, писателя и сказочника. Писахов во многом стоял у истоков формирования художественного и научного краеведческого сообществ в своем родном городе: к примеру, в качестве члена АОИРС он занимался оформлением и подготовкой первой масштабной краевой выставки «Русский Север» (1910 г.), которая имела большой успех и впоследствии была частично представлена на Берлинской кустарной выставке в 1913 г. То и дело возвращаясь в столицу, он представлял свой родной край на выставках различного характера и масштаба. Так, на его счету – участие в нескольких отделах Царскосельской юбилейной выставки (1911) как в качестве художника, так и в качестве оформителя отдела Печорской опытной сельскохозяйственной станции А.В. Журавского – своего друга и соратника, основоположника сельскохозяйственной науки на Русском Севере; участие в небольшой «Выставке трех» в Художественном Бюро Н.Е. Добычиной – среде зарождения отечественного арт-рынка, где в разное время выставлялись, к примеру, представители «Мира Искусства», К. Малевич, К. Петров-Водкин и другие мастера. Крайне высокая оценка, которую дал работам Писахова И.Е. Репин, подтверждает его статус художника мирового уровня.

Профессионализм художника, уникальный опыт и багаж знаний исследователя и краеведа – знатока Севера, опыт работника музейной сферы, организаторские способности и принципиальная позиция «не быть лишним» – то, что во многом помогло ему выстоять на фоне и после революционных событий 1917-1920 гг. Это было непросто, учитывая и социальное происхождение (отец С. Писахова был купцом-ювелиром) и опыт фактического участия в сражениях Гражданской войны на стороне Белой армии, и деятельность по защите и сохранению хотя бы части материального наследия подвергшего гонению Православия (к последнему относится и работа над циклом акварелей «Памятники архитектуры», и участие в разборке ризницы Соловецкого монастыря, и сбор подписей в защиту Свято-Троицкого

кафедрального собора г. Архангельска, разрушенного в 1929 г.). Практически лишившись средств к существованию, вопреки натянутому отношению к нему партийного руководства, Писахову удалось остаться активным гражданином, участником художественной и общественно-культурной жизни своего города и края в советский период. Здесь раскрываются главы жизни Писахова – полярника, педагога и, наконец, сказочника.

Образ личного творческого поведения С.Г. Писахова можно назвать *экспансивным*, а его носителя – *человеком действия, человеком культуры, человеком истории, человеком времени*. Иной, во многом противоположный образ мировосприятия был свойственен Б.В. Шергину, которого можно назвать *человеком Духа, созерцателем*. Главным духовным вектором для него, определявшем направленность всех проявлений его творческой деятельности (будь то, народное декоративно-прикладное искусство или же сказительское словотворчество) была воспитанная в нем с детства принадлежность к Православной вере. Наделенный чутким, отзывчивым, художническим мировосприятием, с юных лет он стремился постичь, перенять все многообразие радовавших и вдохновлявших его проявлений народного *художества*, в окружении которых рос: упражнялся в иконописи, срисовывал орнаменты народных росписей и иллюстрации старинных книг духовного содержания, мастерил и расписывал домашнюю утварь, изготавливал модели кораблей и величественных деревянных храмов, изготавливал и иллюстрировал рукописные книжицы... Фундаментальная роль в его личностном и творческом развитии принадлежала родителям – мореходу, корабельных дел мастеру и судомеханику Виктору Васильевичу и соломбалке, дочери парусного мастерского Anne Ивановне – свои любовь, пример и наставление оба они, к тому же, подкрепляли творчеством. В частности, путь Шергина-сказителя – собирателя и исполнителя произведений народной словесности – начался именно с родительского Слова: морских преданий и легенд отца, старин и песен, напетых матерью. Начало творческого пути Борис Викторович связал с изобразительным искусством, поступив в московское Строгановское художественно-промышленное училище (учился с 1914 по 1917 гг.), в дальнейшем работая как художник-инструктор при мастерских Кустпрома (1920-21 гг.); как художник-рецензент в московском Институте детского чтения, как иллюстратор и оформитель своих собственных изданий и, изданий и публикаций других авторов.

Явно обозначившийся с 1930х годов переход Шергина к словесному искусству – литературной работе и сказительству, его сосредоточенность на внутренней рефлексии идеалов и ценностей традиционной поморской жизни – все это обусловлено было во многом серьезными проблемами с телесным здоровьем, затруднявшими активную деятельность «во внешнем мире»: инвалидностью в результате травмы ног, полученной в возрасте 26 лет в результате несчастного случая и прогрессирующей потерей зрения. Тем более, что, сам трагизм обстоятельств (Революция, Гражданская война и интервенция, установление советской власти с последовавшим гонением и усилением идеологического надзора за творческой и научной деятельностью) значительно затруднял свободное самовыражение художника, не скрывавшего ни своего вероисповедания, ни любви к традиционному искусству.

В сказах Шергина отражены опыт жизнедеятельности и система этики, выработанные в ходе трудного и рискованного приспособления к условиям неплодородного Беломорского севера и северного мореплавания. Причем, истинная глубина его авторских произведений (которые, по сути, являются художественными пересказами виденного, слышанного, читанного, историй его родителей, сверстников, старших современников, а также славных людей прошлого) может быть понята лишь в контексте его православного исповедничества и мировосприятия. Одна из

основных причин длительного расцвета высокой народной культуры на Русском Севере (в Беломорье, в частности) – это сама необходимость противопоставить хаосу природной (в т.ч. морской арктической) стихии – свою упорядоченную человечность: волю, разум, намерение. Но упорядоченную не в соответствии с отвлеченными гуманистическими идеалами, а в соответствии с основой основ – верой и восприятием себя как образа и подобия Божия. Шергин еще застал то время, когда эти принципы не ушли еще окончательно из повседневной жизни – в вечность. Их носителями были его отец и мать, его старшие современники. Он и донес до нас героический, возвышенный, почти иконописный образ Поморья и поморов. Понятие *художества*, встречающееся в текстах Шергина, отражает их центральную идею – принцип созидательного одухотворения жизни и творческой самоотдачи. Единство и гармонию проявлений творческого начала в человеке – строит ли он корабль, поет ли он былинку, переписывает ли старинную книгу, рисует ли узор по поверхности дерева, борется ли с морской стихией, ведя корабль или же *борет самого себя*, свои пагубы и страсти. *Метанойя* – покаяние – исправление ума, т.е. внутреннее созидание, *страшный суд над самим собой*, подвиг – то, без чего невозможна подлинная культура. Темы размышлений и образы, которые мы встречаем в Дневниках Бориса Викторовича, дополняют и уточняют темы и образы его сказов. Главным утешением для него являлись мысли о Боге, о торжестве вечного над временным. Для Шергина его вера, Православие – это тот духовный источник, от которого питаются все реки человеческой жизни. Смысл ее – мужественно смотря в лицо смерти, осознавая себя как существо временное, конечное, трагическое, ограниченное – соединять земное и небесное, ритуально преображать полотно земной жизни *по мере и красоте*, выступать со-творцом – Творцу. Идею упорядоченного, освященного мира, который поет хвалу Создателю всего, выражает традиционное искусство, «*малой каплей*» которого осознавал себя Шергин.

Заключение

Логос Севера, с первых веков своего освоения выступавшего пространством становления и укрепления героических качеств человеческого характера, по-разному сформировал индивидуальные творческие методы Б.В. Шергина и С.Г. Писахова. Если в случае Писахова участие в процессах формирования культурной памяти своего универсума носил выраженный исторический, проявленный во времени характер, то у Шергина таковое выражалось в качестве четкой и определенной, бескомпромиссной личной приверженности *вневременным* принципам традиционного, теоцентрического, подчеркнуто *несветского* мировосприятия. Ценность наследия Шергина, значение его личности как полноправного представителя традиционной русской духовной культуры (на почве поморских традиций жизнеустройства) имеют, главным образом, *духовное* измерение. Имя же С.Г. Писахова – летописца, свидетеля и непосредственного участника важнейших исторических и общественно-культурных событий жизни родного города и края – еще при его жизни стало неотъемлемой частью *культурного* кода Архангельска и, впоследствии – Архангельского Севера вообще.

Библиография

1. Писахов С.Г. Сказки, очерки, письма / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И.Б. Пономарева. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1985. – 367 с.
2. Шергин Б.В. Избранное / сост. и авт. вступ. ст. Ю.Ф. Галкин. – М.: Совет. Россия, 1977. – 382 с.
3. Шергин Б.В. Праведное солнце: Дневники разных лет. – СПб: Библиополис, 2009. – 656 с.

The Russian North in the Works of S.G. Pisakhov and B.V. Shergin: A Comparative Analysis

Aleksandra I. Chekryzhova

Postgraduate Student,
Department of Theory and History of Culture and Art,
State Academic University for the Humanities,
119049, 26 Maronovsky lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: sanya_che@mail.ru

Abstract

The names of the artist, storyteller, traveler, and local historian S.G. Pisakhov (1879–1960) and the storyteller, writer, and artist B.V. Shergin (1893–1973) hold a special place in the cultural history of the Arkhangelsk North. Both gained wide recognition through their literary activities, entering as chroniclers of the traditional (pre-revolutionary) way of life of their native land and inheritors of its folk oral traditions. Although the works of both authors undoubtedly stem from a common "root" – the natural and cultural-linguistic environment of the North – there are also significant differences between them. The main goal of this work is to identify and specify what unites and distinguishes S.G. Pisakhov and B.V. Shergin. The primary method used is a comparative analysis of their life paths, worldviews, methods of literary and artistic reflection of reality, as well as their attitudes toward the major historical turning points of their time, which they – each in their own way – experienced alongside their homeland. The result of the work is the conclusion that both Pisakhov and Shergin conceptualized the space of the White Sea and Arctic North as an epic backdrop for the heroic initiation of human creative forces, which is reflected differently in the main motifs of their literary and visual-artistic works. The root of the differences between them lies in their worldviews and modes of action: Pisakhov, an active participant in the scientific, socio-political, and artistic life of the North, can be figuratively called a man of culture, history, action, and time; Shergin, who focused on identifying and reflecting the moral ideals of the traditional Pomor way of life, grounded in his personal confession of Orthodox faith and the corresponding intense inner work of the mind and heart, can be called a man of the Spirit, a contemplator, striving toward the timeless.

For citation

Chekryzhova A.I. (2024) *Russkiy sever v tvorchestve S.G. Pisakhova i B.V. Shergina: sravnitel'nyy analiz* [The Russian North in the works of S.G. Pisakhov and B.V. Shergin: A comparative analysis]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (11A), pp. 28-36.

Keywords

Russian North, Pomorye, Arkhangelsk, Arctic, folk oral tradition, folklore, traditional thinking, traditional culture, Russian culture, artistic reflection, Orthodox faith, Orthodox writer, Orthodox ethics, northern text of Russian literature, landscape painting, Russian painting, Russian impressionism, the North and Arctic in Russian painting, Arctic artists, maritime culture of Pomorye.

References

1. Pisakhov S.G. (1985) *Skazki, ocherki, pis'ma* [Tales, essays, letters]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo.

2. Shergin B.V. (1977) *Izbrannoe* [The selected works]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
3. Shergin B.V. (2009) *Pravednoye Solntse: Dnevnik razzykh let* [The righteous sun: the selected diaries]. Saint Petersburg: Bibliopolis.